

УДК: 882

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРОДИЗМА
В РАННИХ РАССКАЗАХ ЧЕХОВА

Рузанна Штоян

Основная школа № 6 г. Гюмри

*«И если Чехов не написал бы ничего, кроме рассказов первых лет,
он и тогда вошел бы в русскую литературу как непревзойденный
мастер смеха, тонкий, умный, насмешливый писатель»*

З.Паперный

Ключевые слова: Чехов, ранние рассказы, стилистические особенности, пародия, сатирические образы, юмор слов, юмор ситуации, юмористический эффект

Для чеховского повествования характерна постоянная динамичность, которая отражается в поиске новых стилистических путей, в развитии авторской художественной манеры. Для лучшего понимания процесса эволюции чеховского стиля в статье предлагается детальный анализ стилистических особенностей структуры ранних рассказов-пародий писателя. Большое внимание уделяется стилистическим средствам достижения юмористического эффекта как в литературных, так и во внелитературных пародиях.

Введение: Говоря о творчестве замечательного русского писателя Антона Павловича Чехова, невозможно не отметить его рассказы начала 80-х как неотъемлемую часть чеховского литературного и творческого наследия. Без них неполным было бы наше представление о таланте, эволюции стиля, языковых особенностях и закономерностях творческой манеры писателя.

Чехов пришел в литературу «с живым ощущением шаблона, обветшалости некоторых литературных форм»¹, считая необходимым переоценить устаревшие

¹Роскин А. И. А. П. Чехов, Гослитиздат, М., 1969, с. 195.

традиции предшествующей литературы, результатом чего и явилось создание неповторимого “чеховского стиля”. Как справедливо отмечает В. В. Ермилов, новаторство Чехова проявилось прежде всего «в выработанных им средствах художественного изображения, в небывалой в литературе емкости, вместительности формы, отличающейся почти полным отсутствием гиперболизации сатирических образов. Не названные автором, но ясно видимые глубины жизни читатель всегда угадывает за короткими пейзажами, диалогами, маленькими деталями».²

Сатирические образы Чехова, в отличие от гоголевских и щедринских, выражающих реальное зло жизни, но представленных в крупном плане, абсурдно, не гиперболизированы, они точно соответствуют реальным пропорциям жизни.

И хотя многие критики долго не признавали талант писателя, полагая, что «юмор и остроумие не под силу таланту г-на Чехова, то, что они считали безделками, оказалось нержавеющей сталью».³ Объектом пародирования у раннего Чехова служит как стиль отдельного писателя (литературные пародии), так и отрицательные общественные явления, определенные черты разных социальных групп людей, их пороки и недостатки (вне/нелитературные пародии), где юмор – это не средство отталкивания от жизни, но своеобразная форма раскрытия ее противоречий, приговор действительности. «Человеческие пороки Чехов убивал смехом, мишенью молодого юмориста и сатирика было нравственное уродство, потеря человеческого в человеке».⁴ По словам самого писателя, он изображал и разоблачал “мелкую, грошовую сволочь”.

В качестве примера литературной пародии можно привести рассказ «Тысяча одна страсть, или страшная ночь», в котором писатель высмеивает псевдоромантические шаблоны и характерные черты романтического стиля В.Гюго:

«На башне св.Ста сорока шести мучеников пробила полночь. Я задрожал. Настало время. Я судорожно схватил Теодора и вышел с ним на улицу. Небо было темно, как типографская тушь. Было темно, как в шляпе, надетой на голову. Темная ночь – это день в ореховой скорлупе... Дождь и снег – эти мокрые братья – страшно били в наши физиономии. Молния, несмотря на зимнее время, бороздила небо по всем направлениям. Гром, грозный, величественный спутник прелестной, как миганье голубых глаз, быстрой, как мысль, молнии, ужасающе потрясал воздух ... Сильный муж, ниспровергающий своего врага в кратер вулкана из-за прекрасных глаз женщины – величественная, грандиозная и поучительная картина! Недоставало только лавы!»

Приподнятость и возвышенность романтического стиля обыгрываются комически посредством использования сравнений романтических штампов с обыденной действительностью (типографская тушь; шляпа, надетая на голову; ореховая

²Ермилов В. В. Антон Павлович Чехов, Изд. «Молодая гвардия», 1949, с.38.

³Чуковский К. И. Чехов, Детгиз, М., 1958, с.23.

⁴Полоцкая Э. А. Пути чеховских героев, Изд. «Просвещение», М., 1984, с.78.

скорлупа). Нераспространенные предложения (Я задрожал. Настала полночь.), семантика глаголов и наречий, их отрывистость и динамизм (задрожал, схватил, потрясал, затрещали, судорожно), избыточность образных средств и наличие комических сравнений («дождь и снег – мокрые братья»; «прелестная, как миганье голубых глаз, молния»; «... мчались, как смелая мысль мчится в таинственных извилинах мозга»), стилистический элемент гиперболизации (тысяча человеческих желаний), использование просторечных слов (физиономия) и слов возвышенного стиля (муж, ни спровергающий...), эпитетов (величественный, грандиозный, прекрасный) при контрастном столкновении с обыденно-прозаическим замечанием (Недоставало только лавы!) – все эти художественные средства способствуют созданию комического эффекта.

Особую роль в пародировании романтического стиля у Чехова играют комические афоризмы: «Кошэ - брат ветра»; «Луна - беспристрастный, молчаливый свидетель сладостных мгновений любви и мщенья»; «Жерло вулкана - пасть земли»; «Стон ветра - стон совести, утонувшей в страшных преступлениях»; «Слезы восторга - результат божественной реакции, производимой в недрах любящего сердца»; «Смерть есть оковы и освобождение от оков»; Взгляд есть меч души»; «Грудь мужчины - крепость женщины» и т.д. Здесь можно заметить как комические ассоциации (меч души - зеркало души), так и комическое использование лексики научного стиля (результат божественной реакции, производимой в недрах любящего сердца).

С целью передачи возвышенности переживаний героев для романтиков характерно было также употребление личных местоимений в начале нераспространенных предложений. Чехов показывает, как наличие большого количества местоимений превращает фразы в бессмысленные и бессодержательные построения: «Я промолчал. Он любил ее. Она любила страстно его. Я должен был убить его, потому что любил больше жизни ее. Я любил ее и ненавидел его».

Писатель пародирует и композиционные элементы романтического стиля: вызывающее острое ощущение начало, пейзажные зарисовки, гармонирующие с переживаниями героев, неожиданный переход от неестественно сильных переживаний героев к обыденным явлениям действительности, шаблонно-нелепый эпилог (свое счастье герой находит в женитьбе и от радости кончает жизнь самоубийством), в результате чего изображаемое приобретает отрицательный оттенок.

Однако механизм пародирования станет более понятным, если выделить стилеобразующие факторы и приемы, лежащие в основе нелитературных рассказов-пародий 1880-1885 гг.

Анализируя стилистические приемы, используемые в чеховских рассказах данного периода в качестве средства комического начала, А.П. Чудаков классифицирует их по трем группам.⁵ Подобное деление рассказов на группы необходимо по той причине, что юмористический эффект в каждой группе достигается определенными

⁵ Чудаков А. П. Поэтика Чехова, Изд. «Наука», М., 1971, с.13.

жанрово-стилистическими особенностями, рассмотрение которых поможет получить более глубокое представление о стиле раннего Чехова, где субъективный тон повествователя является определяющим началом. Субъективные оценки повествователя входят в повествование во всех видах: в качестве развернутых высказываний, в виде отдельных слов, в виде обращений к читателю, комментариев к событиям:

1. Голос повествователя включается в повествование в виде восклицательных предложений и риторических вопросов, что производит комическое впечатление:

«Пробило 12 часов, и майор Щелкокобов.....громко выругался. *Кто теперь не ругается?* («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»)

«Наступила осень, а с нею наступил и великий свадебный сезон...Мужчины то и дело попадают в роковые сети. *О,эти мне еще сети! Несчастный народ мы, мужчины!*»; «Иной мужчина....получает вместе с супругою во владение вечное лето. *Что может быть теплее, судари мои, хорошего приданого?*» («Перед свадьбой»)

«*Что за смесь племен, лиц, красок и запахов!...Пыль ужаснейшая! ...Как хорошо она делает, что прячет свои руки и ноги!*» («Салон де варьете»)

«Все почувствовали себя на седьмом небе, но...*злая судьба!*» («29 июня»)

2. Голос повествователя включается в текст в виде отдельных экспрессивно-оценочных слов. Усилению комического тона способствует употребление разговорно-фамильярной лексики:

«Он всегда терялся и становился *совершенным идиотом*, когда мамаша указывала ему на его портьеру» («Папаша»), «Говоря откровенно, Трифон Семенович – *порядочная-таки скотина*» («За яблочки»), «Господин Назарьев... воспитание получил от гувернантки, но *не умней пробки*» («Перед свадьбой»).

3. Повествователь непосредственно «от себя» обращается к читателю, предваряет или разъясняет события, свои художественные приемы:

«Описывать все добродетели Трифона Семеновича я не стану: материя длинная....Это для вас ново? Но есть люди и места, для которых это обыденно и старо, как телега» («За яблочки»)

«В силу чего я чувствую непреодолимое желание и потребность воспеть свадебный сезон, итак, прошу внимать» («Перед свадьбой»)

«Знаете что, вдовы и девицы! Не выходите вы замуж за артистов! Лучше, девицы и вдовы, жить где-нибудь в табачной лавочке или продавать гусей на базаре....Право, лучше!» («Жены артистов»)

«Вы заносите ногу на первую ступень, и вас обдает сильнейшими запахами...» («Салон де варьете»)

Одним из главных вопросов при анализе ранних чеховских рассказов является соотношение оценки, выраженной в слове повествователя, с позицией автора. Совпадение оценки повествователя, высказанной в фамильярно-юмористическом тоне, с авторской используется как стилистический пародийный прием, что и наблюдается в большинстве рассказов данного периода :

«И ровно в полночь дорогое пуховое одеяло ...грело спящее, изредка вздрагивающее тело молодой, хорошенькой, развратной гадины» («Который из трех?»)

«Иван Иванович, откровенно говоря, славный малый, но очень тяжелый человек» («Живой товар»).

Сам художественный замысел ранних чеховских рассказов зачастую подается с явной установкой на юмористический эффект. Этот принцип прослеживается уже в первых же строках некоторых рассказов:

«Тонкая, как голландская сельдь, мамаша вошла в кабинет к толстому и круглому, как жук, папаше» («Папаша»);

«Глеб Глебыч, не умывавшийся и не чесавшийся со дня своего рождения, лежит грудью и животом на столе, сердится и записывает больных» («Сельские эскулапы»)

Постепенно в чеховских рассказах 80-х вырисовывается иная авторская позиция, где внешний стилистический облик рассказчика остается прежним, но его точка зрения уже не совпадает с авторской. Юмористический стиль используется как своеобразная маска, которую надевает автор. Это «маска юмориста-балагура, отождествляющего себя с рядовым обывателем, - он не прочь по ходу рассказа поболтать на животрепещущие темы: о тещах, о приданом, о выпивке, о дачах, о женщинах»⁶.

«И в любви нужна дисциплина, а то что было бы, если она спустила амура, дала ему, каналье, волю? Я пресерьезный человек, но и ко мне в голову по милости весенних запахов лезет всякая чертовщина. Пишу, а у самого перед глазами тенистые аллейки, фонтанчики, птички, «она» и все такое прочее. Теща уже начинает поглядывать на меня подозрительно, а женщина то и дело торчит у окна» («Встреча весны»)

Анализ произведений 1884-1885 гг. позволяет прийти к выводу, что повествование продолжает освобождаться от таких приемов, как рассуждение, эмоциональные высказывания, комические афоризмы, эпитеты, служащие средством достижения юмористического эффекта. Голос повествователя по-прежнему остается одним из важнейших структурно-стилистических элементов. Лучшие рассказы 1885г. («Унтер Пришибеев», «Кулачье гнездо», «Свистуны», «Лошадиная фамилия», «Живая хронология») построены уже по принципу нейтрального повествования, где позиция повествователя как пародийный прием полностью отсутствует.

Среди остальных стилистических особенностей пародирования отдельного внимания заслуживают заголовки и подзаголовки, которые несут на себе пародийную нагрузку: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», «Сельские эскулапы», «Рассказ охотника, никогда в цель не попадающего», «Старая, но вечно новая история», «Новогодняя побрехушка» и т.д.

Для раскрытия ограниченности героя, развенчания его претензий автор мастерски использует как собственно-прямую речь: «И твой тоже дурак, хоть и высоко голову держит. Ты его не больно-то слушайся, не очень-то уважай: не за что», «Мужу

⁶Чудаков А. П., указ. соч., с.21.

твоему нравится только твоя материальная красота, а нам ты вся нравишься» («Перед свадьбой»); «Спасу-ка обоих!-порешил он.- С двоих получать лучше, чем с одного» («За двумя зайцами...»), так и несобственно-прямою: «Задумался он о том, как придет домой, как выскочат к нему навстречу жена, дочь, детишки... Жена осмотрит покупки, ругнет его, назовет каким-нибудь животным – ослом или быком» («Забыл!»); «Она заметила, что мужчины перестали обращать на нее внимание. ...Идет, каналья, мимо и не посмотрит даже, как бы она перестала быть уже красавицей. А если и взглянет какой-нибудь как-нибудь нечаянно, невзначай, то взглянет не платонически, а так, как смотрят перед обедом на сдобный расстегай или поросенка.» («Скверная история»).

Средством выражения авторской иронии является также синтаксическая конструкция, включающая попутные замечания, дополнения, уточнения, которые автор вводит как бы случайно, невзначай:

«В тот же день вечером у папаши на коленях опять сидела мамаша (*а уж после нее сидела горничная*) («Папаша»); «После третьей рюмки (*проснувшись, охотники повели новый счет*) генеральские кучера уложили охотников в тарантасы...» («Петров день»); «...в смущении почесывая (свой, а не Лелин) левый глаз» («Скверная история»).

В качестве пародийного приема используется также резкий, неожиданный переход от обычного хода повествования к новой мысли или запинка в речи автора:

«Свободнейший гражданин столичного города Лиссабона Альфонсо Зинага, молодой романист, столь известный...*только самому себе* и подающий великие надежды... *тоже самому себе*...» («Жены артистов»); «Учитель покраснел, съезжился и... *только*» («Папаша»); «Дорогая моя! Будьте моей...*натурищицей!*» («Скверная история».)

Фамилия и имена у Чехова, выступающие как особое комическое начало, помогают глубже понять идейный замысел произведения, отношение автора к героям, вникнуть в суть образа, обнаружить существенные черты характера. Для усиления комического эффекта используются фамилии с повторяющимися звуками и корнями: Феофан Манафуилов, Нафанаил, Каролина Карловна, Зюмбумбунчиков. Но чаще комический оттенок передается внутренними средствами, т.е. семантически: Гауптвахтов, Червяков, Балдастов, Набрыдлов, Щелколобов, Подзатылкина, Очумелов, Пришибеев и т.д.

Комический характер носят также пословицы в устах героев рассказов:

«Бог не выдаст, свинья не съест», - думает писарь, решая спасти обоих утопающих, т.к. «с двух получать легче и лучше, чем с одного» («За двумя зайцами...»);

«Чем богат, тем и рад», - говорит папаша, доставая из кармана 25-рублевку, чтобы подкупить учителя («Папаша»).

Текст ранних произведений Чехова насыщен сравнениями («Тонкая, как голландская сельдь, мамаша вошла в кабинет к толстому и круглому, как жук, папаше», «Папаша повернулся и искоса, как собака на тарелку, посмотрел на портьеру», «Ма-

лый добрый, но глупый, как гусь», «Пьяный он был невыносим, как репейник на голлом теле», «Она молода, прекрасна... и любит меня, автора, как кошка, «Стоит, как чучело, и бельмы на воду таращит»); эпитетами и разговорно-просторечной лексикой со сниженной стилистической окраской («гаденький тенорок, плешивая голова, мордастый малый, идиотское личико, плоский затылок, тощие плечи», «бельмы, глазнапа, болван, чертовка, каналья, дурак, жулик, изверг, свинья и т.д.»); метафорами («щечки ее горели», «...во мне кипели любовь и ненависть», «...душа его с особой жадностью вкушала хладный сон», «пожирал ее глазами», «...тоска грызет мое сердце»); комическими ассоциациями и элементами обыгрывания фразеологизмов («сердце рара ...точно дверью прищемило», «знакомство затянулось гордиевым узлом», «старался походить во все лопатки», «...места, где а la сыр в масле кататься»); афоризмами, которые автор использует в качестве комических средств пародирования героев («Случай - деспот», «Писатель - это вечный сирота, изгнанник, козел отпущения, беззащитное дитя», «Молчание – знак согласия»).

Заключение: Таким образом, анализ языковых особенностей раннего творчества писателя показывает, что в рассказах данного периода эффект комизма достигается за счет своеобразной стилистической подачи контекста, где юмор слов тесно переплетается с юмором ситуации. Далее чеховское повествование характеризуется тем, что оно постоянно претерпевает эволюцию, отражающуюся в поисках новых стилистических путей, в развитии мастерства и художественной манеры писателя. И путь к лучшему пониманию этого процесса, несомненно, лежит через рассмотрение стилистической структуры ранних чеховских рассказов-пародий.

ՉԱՎԵՇՏԻ ՈՃԱՅԻՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՉԵԽՈՎԻ ՎԱՂ ՊԱՏՄՎԱԾՔՆԵՐՈՒՄ

Շտոյան Ռ.Բ.

Բանալի բառեր՝ Չեխով, վաղ պատմվածքներ, ոճային առանձնահատկություններ, զավեշտ, երգիծական պատկերներ, հումորային բառեր, իրավիճակային հումոր, հումորային ազդեցություն:

Չեխովյան գրականությանը բնորոշ է մշտական զարգացումը (էվոլյուցիան), որն արտացոլվում է նորոճային ուղիներ փնտրելու գրողի վարպետության ու գեղարվեստական հմտության զարգացման մեջ: Այս գործընթացն ավելի լավ ընկալելու համար հողվածում ներկայացվում է Չեխովի վաղ պատմվածքների ոճային առանձնահատկությունների մանրամասն վերլուծությունը: Մեծ ուշադրություն է դարձվում զավեշտային ազդեցություն ստեղծող ոճային միջոցներին՝ ինչպես գրողի գրական, այնպես էլ ոչ գրական կրկնօրինակումներում:

THE STYLISTIC FEATURES OF PARODY IN CHEKHOV'S
EARLY STORIES

Shtoyan R. B.

Key words: *Chekhov, early stories, stylistic features, parody, satirical images, humour of words, humour of the situation, humour effect.*

Chekhov's narration is characterized by a constant evolution which is being reflected in search of new stylistic ways, in development of the authors' writing skills and artistic manner. For the better understanding of this process the article gives a detailed analysis of the stylistic features of the structure of Chekhov's early stories-parodies. Much attention in the article is drawn to the stylistic means of humour effect both in the writer's literary and non-literary parodies.

R e f e r e n c e s

1. **Roskin A. A.** P. Chekhov, Goslitizdat, M., 1969 (**In Russian**).
2. **Ermilov V.** Anton Pavlovich Chekhov, izd. «Molodaya Gvardiya», 1949 (**In Russian**).
3. **Chukovsky K.** Chekhov, Detgiz, M., 1958 (**In Russian**).
4. **Polotskaya E. A.** Putichekhovskikh geroev, izd. «Prosvetshenie», M., 1984 (**In Russian**).
5. **Chudakov A. P.** Poetika Chekhova, izd. «Nauka», M., 1971 (**In Russian**).

Принята: 15. 06. 2020

Рецензирована: 07. 08. 2020

Сдана в пч: 20. 11. 2020

Информация об авторе

Рузанна ШТОЯН, кандидат пед. наук,
учитель русского языка в основной школе № 6 г. Гюмри,
эл. почта: flytz@mail.ru